

УДК 341.24:338.49:343.35

DOI: 10.34670/AR.2026.84.28.082

Межправительственные соглашения в системе международно-правового регулирования стратегических инфраструктурных проектов: договорная архитектура и антикоррупционные гарантии

Трунцевский Юрий Владимирович

Доктор юридических наук, профессор,
заведующий лабораторией противодействия
коррупции, отмыванию денег и финансированию терроризма,
Институт законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве Российской Федерации,
117218, Российская Федерация, Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, 34;
e-mail: trunzev@yandex.ru

Аннотация

В статье исследуется международно-правовая природа межправительственных соглашений, используемых для подготовки и реализации стратегических инфраструктурных проектов. Доказывается, что межправительственное соглашение в данной сфере выступает не только формой политико-правового согласования воли государств, но и юридическим инструментом конструирования многоуровневого режима проекта: международно-договорного, административно-разрешительного, финансового, закупочного, инвестиционного и антикоррупционного. Особое внимание уделяется проблеме соотношения межправительственного соглашения с национальным законодательством, проектными контрактами, соглашениями о государственно-частном партнерстве, международным коммерческим арбитражем и механизмами ответственности государства. Обосновывается тезис о том, что инфраструктурное межправительственное соглашение должно рассматриваться как рамочный международно-правовой акт, в котором закрепляются не только цели и параметры сотрудничества, но и минимальные стандарты добросовестности, прозрачности, управления конфликтом интересов, контроля бенефициарной собственности, предотвращения коррупции и отмывания доходов. На основе анализа универсальных договоров и актов «мягкого права» ООН, ЮНСИТРАЛ, Всемирного банка и ФАТФ предлагается модель антикоррупционно устойчивого межправительственного соглашения для стратегических инфраструктурных проектов.

Для цитирования в научных исследованиях

Трунцевский Ю.В. Межправительственные соглашения в системе международно-правового регулирования стратегических инфраструктурных проектов: договорная архитектура и антикоррупционные гарантии // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 4А. С. 684-694. DOI: 10.34670/AR.2026.84.28.082

Ключевые слова

Межправительственное соглашение, международный договор, стратегический инфраструктурный проект, государственно-частное партнерство, международное экономическое право, международные закупки, коррупционные риски, комплаенс, государственные гарантии, международный арбитраж.

Введение

Стратегические инфраструктурные проекты — транспортные коридоры, энергетические объекты, трансграничные промышленные комплексы, морские порты, логистические узлы, магистральные трубопроводы, цифровые сети и иные капиталоемкие объекты — все чаще реализуются не только посредством национального административного и гражданско-правового регулирования, но и через международно-договорные конструкции. Центральное место среди таких конструкций занимают межправительственные соглашения, которые позволяют государствам закрепить правовой режим проекта, распределить публичные обязательства, создать гарантии для инвесторов и подрядчиков, согласовать вопросы налогового, таможенного, миграционного, земельного, экологического и закупочного регулирования.

В юридическом смысле межправительственное соглашение, если оно заключено в письменной форме между субъектами международного права и регулируется международным правом, подпадает под общую договорно-правовую логику Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. [Венская конвенция о праве международных договоров, 1969]. В российском правовом порядке международные договоры Российской Федерации регулируются Федеральным законом от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» [Федеральный закон № 101-ФЗ, 1995]. Однако инфраструктурные межправительственные соглашения обладают существенной спецификой: они не ограничиваются закреплением абстрактных обязательств сотрудничества, а выступают «юридическим каркасом» конкретного проекта, в котором публично-правовые обязательства государств соединяются с коммерческими контрактами, инвестиционными механизмами, соглашениями государственно-частного партнерства и процедурами международного разрешения споров.

Актуальность исследования обусловлена тремя обстоятельствами. Во-первых, стратегическая инфраструктура стала одной из наиболее чувствительных сфер международного экономического взаимодействия, поскольку она затрагивает вопросы суверенитета, национальной безопасности, территориальной связанности, энергетической устойчивости и бюджетной ответственности государства. Во-вторых, крупные инфраструктурные проекты объективно характеризуются высокой концентрацией коррупционных, санкционных, финансовых и закупочных рисков. В-третьих, межправительственное соглашение нередко воспринимается как инструмент политического исключения проекта из обычного режима конкуренции и контроля, тогда как современное международное право и международные стандарты публичного управления требуют обратного: чем выше публичная значимость проекта, тем строже должны быть требования прозрачности, добросовестности и подотчетности.

Цель статьи — определить место межправительственных соглашений в системе международно-правового регулирования стратегических инфраструктурных проектов и предложить концептуальную модель их антикоррупционно устойчивого построения.

Методологическую основу исследования составляют формально-юридический, сравнительно-правовой, системный и риск-ориентированный подходы, а также анализ международных договоров, актов международных организаций и национального законодательства Российской Федерации.

Межправительственное соглашение как форма международно-договорного регулирования инфраструктурного проекта

Межправительственное соглашение в сфере стратегической инфраструктуры необходимо отличать как от политической декларации, так и от частноправового проектного договора. Его юридическая природа определяется не названием, а совокупностью признаков: наличием согласованной воли государств или правительств, письменной формы, намерением создать юридически обязательные последствия и подчиненностью международному праву. Именно такой подход соответствует общей логике Венской конвенции 1969 г., закрепляющей договор как международное соглашение между государствами в письменной форме, регулируемое международным правом [Венская конвенция о праве международных договоров, 1969]. Если в проект вовлечены международные межправительственные организации, значение приобретает также Венская конвенция 1986 г. о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями [Венская конвенция о праве договоров между государствами и международными организациями, 1986].

В инфраструктурной сфере межправительственное соглашение выполняет как минимум четыре функции. Первая — легитимационная: государство публично подтверждает стратегическое значение проекта и допускает его реализацию в специальном правовом режиме. Вторая — координационная: стороны распределяют компетенции органов власти, порядок выдачи разрешений, обмен информацией и процедуру межведомственного взаимодействия. Третья — гарантийная: соглашение может фиксировать государственные гарантии, режим защиты инвестиций, принципы тарификации, доступ к земельным участкам и инфраструктурным сетям. Четвертая — интеграционная: оно связывает международно-правовой уровень с национальными нормативными актами, проектными контрактами и финансовыми соглашениями.

Именно интеграционная функция объясняет, почему межправительственное соглашение может быть квалифицировано как «рамочный регулятор» проекта. Оно не подменяет национальное законодательство и не исчерпывает правовой режим инфраструктурного объекта, но задает юридическую матрицу, в которой остальные инструменты получают системное значение. В этом смысле межправительственное соглашение должно быть согласовано с принципом добросовестного исполнения международных обязательств, закрепленным в Уставе ООН и Венской конвенции о праве международных договоров [Устав ООН, 1945; Венская конвенция о праве международных договоров, 1969].

Вместе с тем инфраструктурные проекты демонстрируют сложное взаимодействие договорных режимов. Международное публичное право, международное экономическое право, национальное административное право, инвестиционное право, строительное регулирование, публичные закупки и банковское право образуют не иерархическую пирамиду, а многоуровневую нормативную систему. В этой связи значение имеет доктрина фрагментации международного права: специальные режимы не должны рассматриваться изолированно от общих принципов договорного права, ответственности государств, добросовестности и системной интеграции [Fragmentation of International Law, 2006].

Договорная архитектура стратегического инфраструктурного проекта

Типовой стратегический инфраструктурный проект, реализуемый на основе межправительственного соглашения, имеет многоуровневую договорную архитектуру. На верхнем уровне находится международное соглашение между государствами или правительствами. На втором уровне — национальные акты имплементации: ратификационные законы, постановления правительства, отраслевые разрешения, специальные режимы землепользования, таможенные и налоговые нормы. На третьем уровне — проектные соглашения: концессии, соглашения о государственно-частном партнерстве, ЕРС-контракты, договоры поставки, кредитные соглашения, гарантии, соглашения о техническом надзоре и эксплуатации. На четвертом уровне — договоры подрядчиков и субподрядчиков, где часто концентрируются наиболее трудно выявляемые коррупционные и комплаенс-риски.

Руководство ЮНСИТРАЛ по публично-частным партнерствам специально указывает, что успешный проект требует не только правовой рамки, но и административных структур, экспертных компетенций, финансовых ресурсов и устойчивости экономической среды [UNCITRAL Legislative Guide on PPP, 2020]. Этот тезис принципиален для понимания роли межправительственного соглашения. Оно не должно быть исключительно «политическим зонтом» проекта; напротив, его задача — заранее закрепить, какие институты отвечают за подготовку, оценку, отбор, финансирование, мониторинг и завершение проекта.

В российском праве часть соответствующих механизмов закреплена в Федеральном законе № 224-ФЗ о государственно-частном партнерстве и муниципально-частном партнерстве [Федеральный закон № 224-ФЗ, 2015]. Однако межправительственная природа проекта способна существенно усложнить применение национальных процедур: возникают вопросы о допустимости специальных условий, об исключениях из общего режима закупок, о применимом праве и о пределах государственного иммунитета. Поэтому в самом межправительственном соглашении желательно закреплять не только общую ссылку на национальное законодательство, но и правила взаимодействия международного договора с внутренними процедурами.

Отдельное значение имеет закупочный блок. Модельный закон ЮНСИТРАЛ о публичных закупках 2011 г. исходит из необходимости обеспечения конкуренции, прозрачности, объективности, справедливости, экономии и эффективности закупочных процедур [UNCITRAL Model Law on Public Procurement, 2011]. Сходные принципы в российском праве закреплены в Федеральном законе № 44-ФЗ о контрактной системе, включая открытость, прозрачность, обеспечение конкуренции и ответственность за результативность закупок [Федеральный закон № 44-ФЗ, 2013]. Следовательно, межправительственное соглашение не должно становиться способом произвольного обхода закупочных принципов. Если в конкретном проекте предусмотрен специальный порядок выбора подрядчика, он должен быть обоснован предметом соглашения, публичным интересом, технологической уникальностью проекта и компенсирован усиленными механизмами контроля.

Риск-ориентированная функция межправительственных соглашений

Стратегический инфраструктурный проект всегда является долгосрочным и капиталоемким. Это означает, что в процессе его реализации неизбежно возникают правовые

риски изменения законодательства, колебаний валют, санкционного давления, прекращения финансирования, нарушения сроков поставки оборудования, недобросовестности подрядчиков, изменения тарифной политики, экологических требований и политической конъюнктуры. Межправительственное соглашение должно не устранять эти риски декларативно, а переводить их в юридически управляемые категории.

В международно-правовой плоскости это предполагает включение в соглашение положений о применимом праве, порядке имплементации, координационных органах, обмене информацией, механизмах консультаций, сроках, обстоятельствах непреодолимой силы, изменении обстоятельств, санкционных ограничениях, порядке приостановления и прекращения проекта. Правовое значение имеет и вопрос об ответственности государства за нарушение международного обязательства. Проект статей Комиссии международного права об ответственности государств за международно-противоправные деяния исходит из того, что международная ответственность наступает при наличии поведения, присваиваемого государству, и нарушения международного обязательства [Draft Articles on Responsibility of States, 2001]. В инфраструктурных проектах это особенно важно, поскольку действия государственных органов, государственных компаний и специально созданных проектных организаций могут порождать сложные вопросы атрибуции.

Внутри проекта риск-ориентированная функция проявляется через распределение обязанностей между публичными и частными участниками. Всемирный банк в своих закупочных правилах для инвестиционного проектного финансирования указывает на такие базовые принципы, как *value for money, economy, integrity, fit for purpose, efficiency, transparency and fairness* [World Bank Procurement Regulations, 2020]. Эти принципы могут быть восприняты не только как правила для проектов, финансируемых международными банками развития, но и как ориентиры для построения международно-правовой модели инфраструктурного соглашения.

Особо следует отметить риск превращения межправительственного соглашения в механизм чрезмерной стабилизации интересов частного инвестора или подрядчика. Стабилизационные и гарантийные положения допустимы в инфраструктурных проектах, но они не должны блокировать публичные полномочия государства по охране здоровья, окружающей среды, безопасности, финансового контроля и борьбы с коррупцией. Поэтому оптимальной является не абсолютная стабилизация правового режима, а процедурная модель: государство сохраняет регуляторные полномочия, но обязуется применять их недискриминационно, добросовестно, с механизмом консультаций и компенсации только в предусмотренных случаях.

Антикоррупционная устойчивость межправительственного соглашения

Крупные инфраструктурные проекты относятся к числу наиболее уязвимых для коррупционных практик сфер. Причины очевидны: высокая стоимость, длительные сроки, сложные цепочки субподрядчиков, техническая закрытость, зависимость от разрешительных процедур, государственные гарантии и прямое политическое участие. Поэтому антикоррупционный компонент должен быть встроен не только в национальное законодательство, но и в саму международно-договорную конструкцию проекта.

Универсальным международно-правовым ориентиром является Конвенция ООН против коррупции. На официальной странице УНП ООН подчеркивается, что Конвенция является единственным юридически обязательным универсальным антикоррупционным инструментом

и охватывает превентивные меры, криминализацию, правоохранительное сотрудничество, международное сотрудничество и возвращение активов [UNODC, Learn about UNCAC, 2026]. Для инфраструктурных межправительственных соглашений это означает необходимость включения в проект не только запрета подкупа, но и механизмов предупреждения конфликта интересов, прозрачности закупок, аудита, сотрудничества компетентных органов, обмена информацией и контроля денежных потоков.

ФАТФ в своих рекомендациях исходит из риск-ориентированного подхода к борьбе с отмыванием денег, финансированием терроризма и финансированием распространения оружия массового уничтожения [FATF Recommendations, 2026]. Для стратегической инфраструктуры этот подход имеет прикладное значение: проектные компании, подрядчики, консультанты, посредники и финансовые агенты должны проходить проверку с учетом структуры собственности, бенефициарного контроля, источников финансирования, репутационных рисков и возможной связи с коррупционными доходами. В российском праве эти вопросы соотносятся с Федеральным законом № 115-ФЗ о противодействии легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма [Федеральный закон № 115-ФЗ, 2001].

Национальная антикоррупционная рамка также должна учитываться при проектировании межправительственного соглашения. Федеральный закон № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» устанавливает основы предупреждения коррупции, выявления и устранения причин коррупционных правонарушений [Федеральный закон № 273-ФЗ, 2008]. Однако в трансграничной инфраструктуре одного национального закона недостаточно: коррупционный риск может возникать в юрисдикции контрагента, в третьем государстве, на уровне финансирования или в субподрядной цепочке. Поэтому межправительственное соглашение должно предусматривать экстерриториально ориентированные гарантии комплаенса, допустимые в рамках международного сотрудничества.

Представляется целесообразным выделить минимальный набор антикоррупционных положений, которые должны включаться в межправительственное соглашение о стратегическом инфраструктурном проекте. Во-первых, это обязательство сторон обеспечивать прозрачный и проверяемый порядок отбора основных участников проекта. Во-вторых, раскрытие структуры владения и контроля проектных компаний и ключевых подрядчиков. В-третьих, запрет использования посредников без раскрытой экономической функции. В-четвертых, обязательный независимый аудит проектных расходов. В-пятых, совместный механизм рассмотрения сообщений о коррупционных нарушениях. В-шестых, право приостановления или расторжения проектных договоров при подтвержденных коррупционных практиках. В-седьмых, обязанность сотрудничества компетентных органов по вопросам возврата активов, правовой помощи и обмена информацией.

Разрешение споров: от межгосударственных консультаций к арбитражным механизмам

Стратегический инфраструктурный проект порождает несколько типов споров: межгосударственные споры о толковании и применении соглашения; споры между государством и инвестором; коммерческие споры между заказчиком, подрядчиком, проектной компанией и финансовыми институтами; регрессные и субподрядные споры; споры о коррупции, недействительности контрактов и применении санкций. Межправительственное соглашение должно заранее различать эти категории и не смешивать механизмы их разрешения.

Для межгосударственного уровня базовым механизмом могут служить консультации,

переговоры, смешанная комиссия, экспертная группа и, в предельном случае, межгосударственный арбитраж или обращение в Международный Суд ООН, если стороны выразили соответствующее согласие. Устав ООН закрепляет принцип мирного разрешения международных споров [Устав ООН, 1945]. Поэтому даже при высокой политической значимости проекта спорный блок межправительственного соглашения должен быть юридически определенным, а не исключительно дипломатическим.

Для коммерческого уровня особое значение сохраняет Нью-Йоркская конвенция 1958 г. о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений [Нью-Йоркская конвенция, 1958]. Она обеспечивает трансграничную исполнимость арбитражных решений и тем самым является важной частью правовой инфраструктуры международных проектов. В качестве процессуальной основы могут использоваться Арбитражные правила ЮНСИТРАЛ, которые применяются в международной коммерческой практике и обеспечивают нейтральную процедуру рассмотрения споров [UNCITRAL Arbitration Rules, 2013].

В то же время арбитражный механизм не должен нейтрализовать публично-правовую природу межправительственного соглашения. Если спор связан с коррупцией, отмыванием доходов, нарушением санкционного режима, незаконным посредничеством или конфликтом интересов, договорная автономия сторон должна уступать императивным требованиям публичного порядка, международного сотрудничества и национального антикоррупционного законодательства. Следовательно, в проектной архитектуре необходимо предусматривать не только арбитражные оговорки, но и специальные положения о доказательствах коррупции, раскрытии документов, взаимодействии с правоохранительными органами и последствиях признания сделки недействительной.

Концептуальная модель инфраструктурного межправительственного соглашения

Проведенный анализ позволяет предложить концептуальную модель инфраструктурного межправительственного соглашения, состоящую из семи взаимосвязанных блоков. Первый блок — предметный: он определяет цель, объект, территориальный охват, участников и этапы реализации проекта. Второй блок — институциональный: он создает межправительственную комиссию, рабочие группы, компетентные органы и процедуры обмена информацией. Третий блок — имплементационный: он устанавливает порядок принятия национальных правовых актов, выдачи разрешений, предоставления земельных участков, таможенного и миграционного сопровождения. Четвертый блок — финансово-гарантийный: он регулирует государственные гарантии, источники финансирования, тарифные принципы, страхование, валютные и налоговые вопросы.

Пятый блок — закупочно-проектный: он закрепляет требования к отбору подрядчиков, конкуренции, прозрачности, техническим стандартам, субподрядным цепочкам и управлению изменениями. Шестой блок — антикоррупционный и AML/CFT: он содержит нормы о раскрытии бенефициаров, запрете подкупа, независимом аудите, конфликте интересов, проверке контрагентов, документации платежей и сотрудничестве компетентных органов. Седьмой блок — юрисдикционно-ответственный: он определяет порядок консультаций, разрешения споров, ответственность сторон, последствия нарушения соглашения и основания прекращения проекта.

Такая модель позволяет избежать двух крайностей. Первая крайность — редуцировать межправительственное соглашение до политической декларации, неспособной управлять

реальными юридическими рисками проекта. Вторая крайность — превратить его в инструмент исключительного правового режима, выводящий проект из-под контроля национального законодательства, закупочных процедур и антикоррупционных стандартов. Оптимальное решение состоит в том, чтобы межправительственное соглашение стало не механизмом дерегулирования, а механизмом повышенной правовой определенности и повышенной подотчетности.

Заключение

Межправительственные соглашения в сфере стратегических инфраструктурных проектов занимают самостоятельное место в системе международно-правового регулирования. Они выступают не только формой межгосударственного сотрудничества, но и средством юридического проектирования сложных экономико-правовых режимов. Их значение особенно велико там, где проект требует долгосрочных государственных гарантий, трансграничного регулирования, участия публичных органов, внешнего финансирования и специальной координации национальных правопорядков.

Главный вывод исследования состоит в том, что современное инфраструктурное межправительственное соглашение должно быть построено как договорная система управления рисками. Его содержание не может ограничиваться указанием объекта и политической поддержки проекта. Оно должно включать положения о добросовестном исполнении обязательств, имплементации, прозрачности закупок, распределении рисков, антикоррупционном комплаенсе, AML/CFT-проверках, раскрытии бенефициарной собственности, независимом аудите и разрешении споров.

Для российской международно-правовой науки эта проблематика имеет особое значение. В условиях изменения глобальных экономических связей, санкционного давления, переориентации инфраструктурных коридоров и роста роли межгосударственных проектов требуется доктринальная разработка таких договорных моделей, которые одновременно обеспечивают суверенную гибкость государства и соответствуют универсальным стандартам добросовестности, прозрачности и правовой определенности. Межправительственное соглашение должно рассматриваться не как исключение из общего правового порядка, а как его более сложная и ответственная форма.

Библиография

1. Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. — URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/conventions/1_1_1969.pdf).
2. Венская конвенция о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями от 21 марта 1986 г. — URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/conventions/1_2_1986.pdf.
3. Устав Организации Объединенных Наций и Статут Международного Суда. — URL: <https://treaties.un.org/doc/publication/ctc/uncharter.pdf>.
4. Федеральный закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7258/.
5. Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660/.
6. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/.
7. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // КонсультантПлюс. —

- URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ .
8. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834/ .
 9. Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards (New York, 1958). – URL: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/en/new-york-convention-e.pdf> .
 10. Draft Articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts, with commentaries. International Law Commission. 2001. – URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/draft_articles/9_6_2001.pdf .
 11. FATF Recommendations. International Standards on Combating Money Laundering and the Financing of Terrorism and Proliferation. – URL: <https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/recommendations/FATF%20Recommendations%202012.pdf.coredownload.inline.pdf> .
 12. Fragmentation of International Law: Difficulties Arising from the Diversification and Expansion of International Law. Report of the Study Group of the International Law Commission. A/CN.4/L.682. 2006. – URL: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/a_cn4_l682.pdf .
 13. Procurement Regulations for IPF Borrowers: Goods, Works, Non-Consulting and Consulting Services. Fourth Edition. The World Bank, November 2020. – URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/178331533065871195-0290022020/original/ProcurementRegulations.pdf> .
 14. UNCITRAL Arbitration Rules (with new article 1, paragraph 4, as adopted in 2013). – URL: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/en/uncitral-arbitration-rules-2013-e.pdf> .
 15. UNCITRAL Legislative Guide on Public-Private Partnerships. United Nations, Vienna, 2020. – URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/en/19-10872_ebook_final.pdf .
 16. UNCITRAL Model Law on Public Procurement. United Nations, 2011. – URL: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/en/2011-model-law-on-public-procurement-e.pdf> (дата обращения: 07.06.2026).
 17. UNODC. Learn about UNCAC. – URL: <https://www.unodc.org/corruption/en/uncac/learn-about-uncac.html> (дата обращения: 07.06.2026).

Intergovernmental Agreements in the System of International Legal Regulation of Strategic Infrastructure Projects: Contractual Architecture and Anti-Corruption Guarantees

Yurii V. Truntsevskii

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Head of the Laboratory for Combating Corruption,
Money Laundering and Terrorist Financing,
Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation,
117218, 34, Bolshaya Cheremushkinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: trunzev@yandex.ru

Abstract

The article examines the international legal nature of intergovernmental agreements used for the preparation and implementation of strategic infrastructure projects. It is proved that an intergovernmental agreement in this sphere acts not only as a form of political and legal coordination of the will of states but also as a legal instrument for constructing a multi-level regime of the project: international treaty, administrative and permitting, financial, procurement, investment, and anti-corruption. Particular attention is paid to the problem of the correlation of the intergovernmental agreement with national legislation, project contracts, public-private partnership agreements,

international commercial arbitration, and mechanisms of state responsibility. The thesis is substantiated that an infrastructure intergovernmental agreement should be considered as a framework international legal act, which enshrines not only the goals and parameters of cooperation but also the minimum standards of integrity, transparency, conflict of interest management, beneficial ownership control, prevention of corruption and money laundering. Based on the analysis of universal treaties and "soft law" acts of the UN, UNCITRAL, the World Bank, and FATF, a model of an anti-corruption-sustainable intergovernmental agreement for strategic infrastructure projects is proposed.

For citation

Truntsevskii Yu.V. (2026) *Mezhpravitel'stvennye soglasheniya v sisteme mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya strategicheskikh infrastrukturykh proektov: dogovornaya arkhitektura i antikorrupsionnye garantii* [Intergovernmental Agreements in the System of International Legal Regulation of Strategic Infrastructure Projects: Contractual Architecture and Anti-Corruption Guarantees]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (4A), pp. 684-694. DOI: 10.34670/AR.2026.84.28.082

Keywords

Intergovernmental agreement, international treaty, strategic infrastructure project, public-private partnership, international economic law, international procurement, corruption risks, compliance, state guarantees, international arbitration.

References

1. Charter of the United Nations and Statute of the International Court of Justice. (1945). Retrieved from <https://treaties.un.org/doc/publication/ctc/uncharter.pdf>
2. Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards (New York, 1958). (1958). United Nations. Retrieved from <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/en/new-york-convention-e.pdf>
3. Draft Articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts, with commentaries. (2001). International Law Commission. Retrieved from https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/draft_articles/9_6_2001.pdf
4. FATF Recommendations. International Standards on Combating Money Laundering and the Financing of Terrorism and Proliferation. (n.d.). FATF. Retrieved from <https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/recommendations/FATF%20Recommendations%202012.pdf.coredownload.inline.pdf>
5. Federal Law No. 44-FZ of April 5, 2013 "On the Contract System in the Procurement of Goods, Works and Services for State and Municipal Needs". (2013). ConsultantPlus. Retrieved from https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/
6. Federal Law No. 101-FZ of July 15, 1995 "On International Treaties of the Russian Federation". (1995). ConsultantPlus. Retrieved from https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7258/
7. Federal Law No. 115-FZ of August 7, 2001 "On Counteracting Legalization (Laundering) of Criminal Proceeds and Financing of Terrorism". (2001). ConsultantPlus. Retrieved from https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834/
8. Federal Law No. 224-FZ of July 13, 2015 "On Public-Private Partnership, Municipal-Private Partnership in the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation". (2015). ConsultantPlus. Retrieved from https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660/
9. Federal Law No. 273-FZ of December 25, 2008 "On Counteracting Corruption". (2008). ConsultantPlus. Retrieved from https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/
10. Fragmentation of International Law: Difficulties Arising from the Diversification and Expansion of International Law. (2006). Report of the Study Group of the International Law Commission. A/CN.4/L.682. Retrieved from https://legal.un.org/ilc/documentation/english/a_cn4_l682.pdf
11. Procurement Regulations for IPF Borrowers: Goods, Works, Non-Consulting and Consulting Services (4th ed.). (2020, November). The World Bank. Retrieved from <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/178331533065871195->

-
- 0290022020/original/ProcurementRegulations.pdf
12. UNCITRAL Arbitration Rules (with new article 1, paragraph 4, as adopted in 2013). (2013). United Nations. Retrieved from <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/en/uncitral-arbitration-rules-2013-e.pdf>
 13. UNCITRAL Legislative Guide on Public-Private Partnerships. (2020). United Nations, Vienna. Retrieved from https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/en/19-10872_ebook_final.pdf
 14. UNCITRAL Model Law on Public Procurement. (2011). United Nations. Retrieved from <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/en/2011-model-law-on-public-procurement-e.pdf>
 15. United Nations Office on Drugs and Crime. (n.d.). *Learn about UNCAC*. Retrieved from <https://www.unodc.org/corruption/en/uncac/learn-about-uncac.html>
 16. Vienna Convention on the Law of Treaties between States and International Organizations or between International Organizations. (1986, March 21). Retrieved from https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/conventions/1_2_1986.pdf
 17. Vienna Convention on the Law of Treaties. (1969, May 23). Retrieved from https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/conventions/1_1_1969.pdf